

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: novikov@archaeology.nsc.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ ОБИ В V–VII ВЕКАХ Н. Э.*

Могильники Старобибеево-6, 7, 9, Шумиха-4 расположены в южнотаежном Приобье, на территории Новосибирской области и входят в состав Ояшинского археологического микрорайона. На этих памятниках исследовано 82 насыпи (62 погребения). Полученные материалы увеличивают корпус источников по погребальной обрядности населения южнотаежного Приобья V–VII вв. н. э. приблизительно в 2 раза. При этом могильник Шумиха-4 является единственным в Приобье исследованным практически полностью сплошной площадью. В статье анализируется погребальная обрядность, зафиксированная в исследованных археологических комплексах.

Ключевые слова: Западная Сибирь, южнотаежное Приобье, раннее средневековье, могильники, погребальная обрядность, ингумация, кремация.

Верхнеобская культура относится к культурной общности, восходящей своими корнями к таежной кулайской культуре. Памятники данной культурной общности распространены на севере до устья р. Томь (правый приток Оби), на юге они обнаружены в степном Алтае, на востоке далее Кузнецкой котловины они не встречаются, а западная граница недалеко «уходит» от Оби и ее можно связывать с границей Приобья и Барабинской лесостепи.

Исследованные нами могильники расположены на границе таежной и лесостепной зон Приобья, проходящей, согласно данным географов, в районе с. Старобибеево [Абрамович и др., 1963. С. 179]. Своеобразие региона заключается в том, что здесь проявляется сочетание двух важных ландшафтных факторов, определяющих интенсивность этнокультурного взаимодействия и взаимовлияния. Во-первых, это зона контакта тайги и лесостепи; во-вторых, она «пронизана» руслом р. Обь – транспортной артерией,

связывающей различные ландшафтные зоны Западной Сибири. Именно вдоль Оби процессы распространения новых культурных традиций в меридиональном направлении шли наиболее интенсивно. В этом смысле р. Обь можно рассматривать как некий мощный природный «катализатор» культурогенетических процессов в Западной Сибири в древности [Павлинская, 2007. С. 38; Савинов и др., 2008. С. 4].

В связи с этим южнотаежное Приобье было зоной этнокультурного фронта, что определяло своеобразие облика культур региона и интенсивность изменений их характерных черт. В этом маргинальном ландшафтно-культурном регионе межэтнические контакты происходили с наибольшей интенсивностью, что, безусловно, наложило отпечаток и на характеристику основных черт верхнеобской культуры, которая во многом имеет синкретичный характер.

В своем развитии верхнеобская культура прошла ряд этапов, в хронологическом пла-

---

* Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и АБЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» (проект РНП 2.2.1.1/1822 Рособразования) и в рамках проекта программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»: «Погребальная обрядность как форма отражения мировоззренческих идей и трансляции культурных традиций населения Обь-Иртышья в древности и средневековье» № 25.2.2.

не охватывающих всю вторую половину I тыс. н. э. Характер взаимоотношений с южным населением на протяжении V–IX вв. претерпел ряд изменений, суть которых сводилась к постоянному усилению влияния культуры носителей тюркских языков в угро-самодийской среде южнотаежного Приобья.

Массовое проникновение тюркоязычного населения в лесостепное и южнотаежное Приобье начинается (в связи с политическими и климатическими изменениями в Южной Сибири) ближе к концу I, а наиболее интенсивно – с рубежа I и II тыс., что приводит к формированию в регионе эклектичной этнокультурной картины с наличием «постверхнеобских», «постсросткинских» и новых, басандайских, культурных элементов [Савинов и др., 2008, С. 339]. В связи с этим начальные этапы верхнеобской культурной традиции (к которым относятся исследованные памятники) демонстрируют наибольшую этнокультурную «стерильность», без или с минимальным влиянием «тюркского шлейфа» в проявлении отдельных черт, в том числе и погребальной обрядности, придающего материалам данного времени исключительно большое значение как некоей «точке отсчета».

В 1998 г. опубликована монография Т. Н. Троицкой и автора, в которой были обобщены данные по погребальной обрядности носителей верхнеобской культуры, накопленные ко времени ее написания [Троицкая, Новиков, 1998, С. 16–24]. В данной работе анализировалась погребальная обрядность пяти новых могильников верхнеобской культуры, исследованных автором в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Синхронность, единокультурность и расположение в одной ландшафтной зоне изученных памятников позволяют рассматривать их в рамках одной работы.

Чрезвычайно важным является факт расположения всех этих памятников на правом берегу Оби. Картографирование памятников верхнеобской культуры в Приобье показывает, что подавляющее большинство из них (как мест проживания, так и погребальных комплексов) расположено на левом берегу Оби, в частности, все исследованные до этого могильники данной культуры [Там же, С. 16–22]. Исключения составляют лишь могильник Чингис-2, относящийся к VIII–IX вв. н. э., расположенный на юге Но-

восибирской области, в лесостепном Приобье и несущий в себе явные сросткинские черты [Троицкая, Новиков, 1995], и погребение по обряду кремации IX–X вв. Турист-1, расположенное на правом берегу Оби, в черте г. Новосибирска, культурная принадлежность которого, судя по инвентарю, также связана с общностью, испытавшей сильное тюркское влияние [Молодин и др., 1993, С. 6, рис. 17, 18]. Таким образом, ранее «чистых» верхнеобских могильников V–VII вв. на правобережье Оби обнаружено не было.

Известно, что левобережная пойма Оби имела исключительное значение в формировании хозяйственно-культурных типов древнего населения региона в голоцене [Троицкая, Новиков, 1998, С. 6–9; Сумин, 2003; 2004; 2006]. Именно с этой территорией связана основная концентрация археологических памятников и микрорайонов в лесостепной и южнотаежной зонах Новосибирского Приобья [Троицкая и др., 1980, С. 50–70; Молодин и др., 1996], в том числе и могильников верхнеобской культуры [Троицкая, Новиков, 1998, С. 16–22]. Однако в силу специфики формирования ландшафтов, подобные природные характеристики на отдельных микроучастках могли сформироваться и в правобережной части Оби, что привлекало древнее население и вело к их интенсивному хозяйственному использованию и, соответственно, повышенной концентрации различных археологических объектов.

Четыре из исследованных памятников Старобибеево-1, 6, 7, 9 (далее – СБ) относятся к Ояшинскому археологическому микрорайону (далее – ОАМ). Могильник Шумиха-4 расположен в 20 км к ЮЮЗ от ОАМ, вверх по течению Оби, также на правом берегу, в южнотаежной зоне Приобья.

ОАМ исследован в ходе разведочных работ автора на территории Болотнинского района Новосибирской области, на относительно небольшом по площади участке бассейна р. Ояш (правый приток Оби), в непосредственной близости от ее впадения в Обь. На обеих надпойменных террасах было выявлено около 30 различных, компактно расположенных (а зачастую – просто примыкающих друг к другу), археологических памятников (курганные могильники, поселения и городища), относящихся к эпохам

раннего железа – средневековья. С учетом данных Т. Н. Троицкой и А. А. Адамова, проводивших ранее разведочные работы на отрезке террасы правого берега р. Обь (однако не объединявших обнаруженные ими отдельные объекты в единую систему), общее количество памятников насчитывает более 30. Подобная концентрация археологических объектов на сравнительно небольшой площади и позволяет обозначить их совокупность как Ояшинский археологический микрорайон. Очевидно, его возникновение связано с уникальными для данного отрезка правого берега Оби особенностями геоморфологической ситуации [Новиков, Нешатаев, 2001].

Специфика геоморфологического расположения ОАМ заключается в его приуроченности к надпойменной террасе небольшой речки – Ояша, а не к различным формам рельефа, связанным своим происхождением с обской правобережной террасой. Памятники, таким образом, распространяются не «вдоль» Оби, а «уходят» на несколько километров в глубь от нее (максимальная удаленность памятников по прямой от берега Оби не более 3,5–4 км). При этом, однако, их расположение связано исключительно с зоной ленточного приобского бора, а далее, в лесостепной части протекания р. Ояш, памятники на ее террасе не встречены. В то же время, именно на обследованном – устьевом участке, пойма р. Ояш резко и значительно расширяется, образуя заливные луга, что, безусловно, имело чрезвычайно важное значение для древнего населения. Рельеф поймы на этом участке также формируют несколько заболоченных стариц р. Ояш.

Таким образом, здесь, на локальном устьевом участке небольшой речки, на очень небольшой площади, повторяются все характерные геоморфологические черты левобережной обской поймы (наличие заливных лугов, обилие стариц, близость русла основной транспортной артерии – Оби, боровое окружение, близость иных ландшафтных зон – тайги и лесостепи).

Сочетание этих факторов позволило древнему населению региона интенсивно использовать данный ландшафт в хозяйственных целях, что и определило концентрацию различных археологических объектов на небольшой площади. Отметим, что другие правобережные притоки Оби на данном

участке ее течения (например, реки Тула, Икса) при наличии отдельных памятников на своих террасах в устьевой части, все же, не имея подобных (комплексных) ландшафтных характеристик, демонстрируют значительную обедненность в археологическом отношении.

Для правобережной части южнотаежного Приобья ОАМ является первым и пока единственным, что определяет чрезвычайную актуальность его изучения с последующей корреляцией полученных данных с материалами из левобережных микрорайонов и сопредельных территорий с иными ландшафтными и хозяйственно-культурными характеристиками.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. нами проводились исследования отдельных памятников ОАМ, давших очень интересные результаты. Наиболее яркие и важные находки уже частично введены в научный оборот [Ларичев, Новиков, 2003; Новиков, 2001; Новиков и др., 2003. С. 45–54; Новиков, Шишкин, 2002; Троицкая, Новиков, 2004. С. 102–105]. В 2000 г. в состав ОАМ нами были включены могильники, отнесенные на основании обнаруженного инвентаря к верхнеобской культуре (СБ-1, 6, 7, 9) и датированные в пределах V–VII вв. н. э.

Курганный могильник СБ-1 расположен на северной окраине кладбища с. Старобибеево (левая терраса р. Ояш, на расстоянии 1,5 км по прямой линии к ЮЗ от могильников СБ-6, 7, 9). Памятники СБ-6, 7, 9 находятся в 13 км к С от с. Новобибеево, в 100–150 м от края террасы правого берега Оби, в густом сосновом бору, на небольших дюнах, расположенных недалеко друг от друга. Все перечисленные памятники обнаружены А. А. Адамовым в 1979 г. Курганный могильник Шумиха-4, обнаруженный А. П. Бородовским и автором в 2002 г., расположен в 1,5 км к ЮЗ от с. Шумиха, также в южнотаежной зоне Приобья.

В начале 1990-х гг. могильники СБ-6, 7, 9 несанкционированно раскапывались местными жителями – школьниками с. Болотное под руководством учителя-краеведа. И хотя находки из раскопок тех лет переданы в кабинет археологии НГПУ и НОКМ, их соотнесение с конкретными курганами в настоящее время затруднено. Невозможно также зафиксировать реальные планы могильников, поскольку по истечении не-

скольких лет, при интенсивном дернообразовании, трудно идентифицировать раскопанные в те годы насыпи. Тогда они были рекультивированы, а сейчас уже покрыты дерном и хвоей. Поскольку планы могильников с нанесенными раскопанными и сохранившимися насыпями отсутствовали, пришлось составлять новые планы памятников с нанесением определенных нами (по возможности) раскопанных в начале 1990-х гг. насыпей. Находки из раскопок СБ-6 тех лет опубликованы [Троицкая, Елагин, 1995; Троицкая, Савин, 2005; 2007; Троицкая, Шишкин, 2000]. Однако полевая документация по этим раскопкам отсутствует, что делает практически невозможным анализ погребальной обрядности таких памятников, поэтому в данной работе учтены материалы только наших исследований.

Всего на памятниках СБ-1, 6, 7, 9 и Шумиха-4 автором было исследовано 82 насыпи (62 погребения). Это увеличивает корпус источников по погребальной обрядности населения южнотаежного Приобья V–VII вв. н. э. приблизительно в 2 раза. При этом Шумиха-4 является единственным могильником Приобья данного времени, исследованным практически полностью сплошной площадью (неисследованной осталась одна насыпь, расположенная на краю некрополя, из-за растущих на ней нескольких крупных деревьев).

Остановимся на основных характеристиках следов погребальной обрядности, зафиксированных в ходе исследования могильников.

Относительно взаиморасположения насыпей могильников можно сказать, что они размещены «цепочками» (СБ-6, 7, 9), либо площадь могильника резко вытянута (Шумиха-4) вдоль возвышенной формы рельефа (дюны). Насыпи могильника СБ-1 расположены недалеко от края террасы, их взаиморасположение аморфно.

Конструктивные особенности насыпей состоят в том, что они (задернованные, песчаные), преимущественно, имеют незначительно вытянутую (овальную) форму, реже – округлую (из 42 исследованных насыпей могильника Шумиха-4 лишь одна имела округлую форму, а остальные 41 – овальную). Всего из 82 исследованных на могильниках насыпей 55 (67 %) были овальными, а 27 (33 %) округлыми. Размеры насыпей небольшие. Диаметр округлых от

3,5 до 8 м, размеры овальных от $2,25 \times 3$ до $10,5 \times 11,75$ м. Высота всех насыпей от 0,12 до 1,18 м от уровня современной поверхности. При использовании коэффициента корреляции Фехнера установлена высокая степень взаимозависимости между площадью насыпей и их высотой – чем больше площадь насыпи, тем она выше. Коэффициент корреляции признаков «площадь насыпи» и «высота насыпи» равен 0,695.

В насыпях могильников СБ-6, 7, 9, Шумиха-4 обнаружены прокалы (в СБ-1 они не отмечены, однако здесь исследовано всего 2 насыпи). Всего из 82 насыпей прокалы обнаружены в 15, что составляет 18 %. Однако насыпи с прокалами представлены неравномерно по памятникам. Наибольшую встречаемость их демонстрирует могильник СБ-7 (50 %), далее по этому признаку следует СБ-9 (33 %), СБ-6 (10 %). На могильнике Шумиха-4 прокал зафиксирован только в одной насыпи, что составляет 2 % от числа исследованных. По данному признаку он противопоставляется остальным.

Ассортимент находок в насыпях курганов представлен: керамикой (отдельные фрагменты и сосуды как целые, так и в виде развалов); железными изделиями (мотыжки, цепочка, крючок, ножи, удила, обойма – вероятно, фрагмент ножен, подвески с обоймами, браслет, пряжки, кинжалы, наконечники стрел; бронзовыми изделиями (пластина, пряжка, пронизка, накладка); каменными (оселки) и костяными изделиями (бусина). Обнаружены также крупные необработанные камни, скопления жженных костей и зубы животных, фрагмент лосиного рога (1 экз.), угли.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что представленное разнообразие находок в насыпях связано, прежде всего, с могильниками СБ-1, 6, 7, 9. Из 40 насыпей этих могильников лишь в 3 вообще не было каких-либо находок. Ассортимент находок в насыпях могильника Шумиха-4 значительно беднее. Из 42 насыпей данного памятника в 19 вообще не было каких-либо находок, а в остальных насыпях их ассортимент представлен лишь керамикой (сосуды, развалы и отдельные фрагменты) и камнями. Лишь в одном случае (курган № 3) на могильнике Шумиха-4 в насыпи была обнаружена железная мотыжка.

Относительно характера надмогильных сооружений следует сказать, что в пяти слу-

чаях (СБ-1, курган № 1, погребение № 1; СБ-7, курган № 5, погребение № 1; курган № 15, погребение № 1; курган № 16, погребение № 2; Шумиха-4, курган № 38, погребение № 1) непосредственно над погребениями удалось зафиксировать следы надмогильных деревянных сооружений. В двух случаях их сохранность позволяет говорить о конструктивных особенностях погребальной архитектуры. Обе наиболее хорошо сохранившиеся надмогильные конструкции представляли собой квадратное деревянное сооружение (площадку) размером 2 × 2 м, сложенное из плашек. При этом зафиксировано, что в обоих случаях плашки располагались в два слоя (плашки нижнего слоя расположены под прямым углом к плашкам верхнего слоя). В 2 случаях (СБ-7, курганы № 6 и 8) вокруг погребений зафиксированы столбовые ямки, которые также можно связывать с каким-то надмогильным сооружением. Количество погребений под исследованными насыпями представлено в табл. 1.

Слившиеся насыпи могильника СБ-7 (№ 14–15) при вычислении процентов были приняты за одну, и соответственно проценты определялись от 81 насыпи. Как видно из табл. 1, из 81 исследованной насыпи в 41 (50,6 %) обнаружено по 1 погребению, в 9 (11,1 %) – по 2 погребения, в 1 случае (1,2 %) – 3 погребения (скорее всего это слившаяся насыпь двух курганов), а в 30 случаях (37 %) под насыпями погребений не обнаружено.

Все погребения расположены в центральной части насыпей или тяготеют к ней. Основные данные о характере погребений представлены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, из 62 зафиксированных погребений 35 (56,5 %) совершены выше уровня материка или на его уровне, 27 погребений (43,5 %) незначительно углублены в материк. Основная часть погребений (90,3 %) совершена по обряду ингумации.

Одним из наиболее часто фиксируемых признаков погребальной обрядности при

Таблица 1

Количество погребений в исследованных насыпях

Могильник	Общее количество исследованных насыпей	Количество						
		насыпей без погребений	насыпей с погребениями	погребений без насыпей	погребений под насыпями	насыпей с 1 погребением	насыпей с 2 погребениями	насыпей с 3 погребениями
СБ-1	2	нет	2	нет	2	2	нет	нет
СБ-6	10	3	7	нет	7	7	нет	нет
СБ-7	22	2	20	нет	26	13	5	1 (слившаяся из двух)
СБ-9	6	2	4	нет	4	4	нет	нет
Шумиха-4	42	23	19	1 (между насыпями № 19 и 20)	23	15	4	нет
Всего	82 (одна насыпь СБ-7, слившаяся из двух)	30	52	1	62	41	9	1

Таблица 2

Характеристика погребений в исследованных насыпях

Могильник	Количество					
	исследованных насыпей	исследованных погребений	погребений на материке или выше	погребений, углубленных в материк	ингумаций	кремаций
СБ-1	2	2	1	1	2	нет
СБ-6	10	7	4	3	7	нет
СБ-7	22	25	15	10	21	4
СБ-9	6	4	1	3	3	1
Шумиха-4	42	24	14	10	23	1
Всего	82	62	35	27	56	6

Таблица 3

Ориентация головы погребенного в погребениях по обряду ингумации

Могильник	Ориентация							
	СВ	ССВ	С	СЗ	ВЮВ	ЮВ	В	не установлена
СБ-1	1	–	–	–	–	–	–	1
СБ-6	1	–	–	–	1	–	2	3
СБ-7	5	1	2	2	–	–	–	11
СБ-9	–	–	–	–	–	–	–	3
Шумиха-4	–	–	–	–	5	10	2	6
Всего	7	1	2	2	6	10	4	24

ингумации является ориентация головы погребенного. В целом из 56 погребений по обряду ингумации этот признак был достоверно установлен в 32 случаях.

Из табл. 3 видно, что по признаку «Ориентация головы погребенного» исследованные погребения по обряду ингумации разделяются на две четко выраженные группы: ориентация на СВ (с отклонениями) – 12 случаев (37,5 % от установленных); ориентация на ЮВ (с отклонениями на В, вплоть до восточной ориентации) – 20 случаев (62,5 % от установленных).

Показательно, что первая группа представлена погребениями могильников СБ-1, 6, 7, 9, а вторая – всеми погребениями могильника Шумиха-4 и тремя погребениями могильника СБ-6. Таким образом, лишь в могильнике СБ-6 этот признак пересекается,

а остальные памятники демонстрируют устойчивую ориентацию погребенных.

Характер положения умерших, учитывая плохую сохранность костей и разрушение могил, удалось зафиксировать далеко не во всех исследованных погребениях. Приведенные ниже варианты положения погребенных опираются на обнаружение отдельных костей посткраниального скелета *in situ*. Однако необходимо учесть, что в большинстве случаев целостность скелетов погребенных и в приведенных примерах была частично нарушена, что не позволяет установить позу погребенного в полном виде.

На могильнике СБ-6 в трех случаях удалось зафиксировать два варианта положения умершего: с вытянутыми ногами два случая (курган № 1, погребение № 1; курган № 2, погребение № 1); на спине, при этом правая

нога была согнута в коленном суставе – один случай (курган № 10, погребение № 1).

На могильнике Шумиха-4 в 13 случаях удалось зафиксировать 6 вариантов положения умершего.

1. На спине, в вытянутом положении – 8 случаев:

- погребение № 3 – курган 14, погребение 1;
- погребение № 5 – курган 12, погребение 1;
- погребение № 6 – курган 26, погребение 1;
- погребение № 7 – курган 26, погребение 2;
- погребение № 8 – курган 15, погребение 1;
- погребение № 11 – курган 23, погребение 2;
- погребение № 13 – курган 30, погребение 1;
- погребение № 14 – курган 30, погребение 2.

2. На спине, с чуть согнутыми в коленных суставах ногами – 2 случая:

- погребение № 1 – курган 9, погребение 1;
- погребение № 2 – курган 9, погребение 2.

3. На спине с вытянутыми ногами. При этом правая рука была слегка согнута в локтевом суставе и кисть находилась на костях таза – 1 случай:

- погребение № 10 – курган 20, погребение 1.

4. На спине, с вытянутыми ногами и вытянутой правой рукой, при этом левая рука была согнута в локтевом суставе – 1 случай:

- погребение № 12 – курган 29, погребение 1.

5. На правом боку с согнутыми ногами и согнутой левой рукой – 1 случай:

- погребение № 9 – курган 23, погребение 1.

6. На левом боку с согнутыми в коленях ногами – 1 случай:

- погребение № 15 – курган 25, погребение 1.

Устойчивой чертой обрядности верхнеобской культуры является погребение умершего с сопровождающими его вещами. Из 62 исследованных нами погребений всего 6 (9,7 %) были без инвентаря. В остальных 56 (90,3 %) обнаружены различные вещи, имеющие разную частоту встречае-

мости, отраженную в ранжированном перечне 26 категорий погребального инвентаря (указано количество погребений, где была представлена та или иная категория находок вне зависимости от количества в погребении и сочетания с другими категориями погребального инвентаря, в скобках – процент от количества погребений с инвентарем).

1. Керамический сосуд (целый или в развале) – 25 (44,6 %)

2. Железный нож – 15 (26,8 %)

3. Железная пряжка – 14 (25 %)

4. Фрагмент керамики – 12 (21,4 %)

5. Железная мотыжка – 8 (14,3 %)

6. Железный наконечник стрелы – 7 (12,5 %)

7. Бронзовая пряжка – 5 (8,9 %)

8. Бусина – 4 (7,1 %)

9–12. Бронзовый браслет, бронзовая бусина, костяной наконечник стрелы, железные удила – по 3 (по 5,3 %)

13–17. Железное колечко, железный крючок, железная бляшка, железная пластина, бронзовая накладка – по 2 (по 3,6 %)

18–26. Железная цепочка, бронзовая застежка, костяная насадка, бронзовая пластина, кожаный ремень с бронзовыми полусферическими наклейками, бронзовая поясная наклейка, костяная ложка, бронзовое кольцо из витой проволоки, бронзовая пуговица – по 1 (1,9 %)

Как видно из приведенного ранжированного перечня, наиболее типичным для исследованных погребений является положение с умершим керамического сосуда (сосудов), наличие пряжки от пояса (железные и бронзовые пряжки в сумме демонстрируют вторую после сосудов частоту встречаемости) и железного ножа. Данный ассортимент (сосуд, пряжка, нож или, другими словами, сосуд и пояс с ножом) можно рассматривать как некий «стандартный набор» сопроводительного погребального инвентаря. Часто встречаются в погребениях и разрозненные фрагменты керамики (которые предположительно можно рассматривать как «заменители» целых сосудов в погребальном ритуале), железные мотыжки и наконечники стрел. Остальные категории инвентаря обнаружены реже (каждая из категорий менее чем в 10 % погребений), и поэтому они могут рассматриваться как выходящие за «стандартный» погребальный ассортимент верхнеобцев.

Полученные данные по погребальной обрядности исследованных могильников позволяют сделать ряд выводов.

Ранее отмечалось [Троицкая, Новиков, 1998. С. 23], что для погребений верхнеобцев V – первой половины VIII в. преимущественной (84 %) была ориентация головы на СВ (с отклонениями) и лишь в отдельных случаях (16 %) погребенные ориентированы на ЮВ (с отклонениями). Новые данные это соотношение представляют иначе – ориентация на СВ (с отклонениями) – 37,5 %, ориентация на ЮВ (с отклонениями на В) – 50 % и ориентация на В – 12,5 % от установленных. Причем ориентация на ЮВ (с отклонениями) явно локализуется в одном могильнике – Шумиха-4 (в могильнике СБ-6 зафиксирована и ориентация на СВ).

Интерпретация этого факта может быть различной. Не исключено, что подобная устойчивая ориентация погребенных, отличающаяся от наиболее распространенной в это время, связана с какой-то локальной микрогруппой населения южнотаежного Приобья в VI–VII вв. Отметим, что Шумиха-4 отличается также и по ряду других признаков погребальной обрядности – явно обедненным ассортиментом находок в насыпях, практически полным отсутствием прокалов в насыпях.

При раскопках сплошной площадью могильника Шумиха-4 выяснилось, что часть насыпей не имела погребений, и наоборот – было зафиксировано, что отдельные погребения не связаны с какими-либо насыпями и расположены между ними. Несоответствие насыпей и погребений зафиксировано и на других верхнеобских могильниках (СБ-6, 7, 9). Обнаруженные на площади могильников насыпи без погребений («кенотафы»), тем более при наличии в них каких-либо находок, традиционно интерпретируются как поминальные комплексы. Ранее уже было отмечено 3 случая обнаружения «кенотафов» в памятниках первого этапа верхнеобской культуры Красный Яр-1 и Умна-3 [Троицкая, 1990]. Однако сейчас очевидно, что «кенотафы» не были редким фактом. Можно говорить также о выделении нового типа погребений верхнеобцев V–VII вв. – безкурганых захоронениях.

В шести случаях в насыпях были зафиксированы следы кремации на стороне (в виде скоплений фрагментов мелких обожженных костей). Ранее к V–VII вв. по обряду

кремации в южнотаежном Приобье относилось лишь одно погребение (Каменный Мыс, курган № 1). Обнаружение еще шести подобных фактов позволяет поставить вопрос о присутствии кремации в погребальной обрядности населения южнотаежного Приобья дотюркского времени, не связывая ее исключительно с влиянием тюркоязычного населения в более позднее время. Однако следует подчеркнуть, что вопрос о выделении кремации как самостоятельного варианта погребальной обрядности, сосуществующей с ингумацией, для верхнеобской культуры остается пока открытым. Основная проблема здесь – отсутствие на данный момент убедительных доказательств, что происходило кремирование именно умершего человека.

При исследовании могильника СБ-6 нами не отмечены «вторичные захоронения», которые, по мнению Т. Н. Троицкой и В. С. Елагина, присутствуют в погребальной обрядности данного памятника [Троицкая, Елагин, 1995. С. 199]. Впрочем, эти авторы не привели какой-либо аргументации в пользу «вторичности» отдельных погребений, ограничившись лишь декларацией. В то же время атрибуция погребения как «вторичного» предполагает специальную доказательную процедуру [Зайцева, 2001; 2004; 2005].

Сравнение ассортимента и количества находок в насыпях и погребениях исследованных могильников демонстрирует резко выраженные различия по этим признакам. Ряд могильников (СБ-1, 6, 7, 9) имеют равную степень или даже явное преобладание по степени распространения находок именно курганных насыпей. Могильник Шумиха-4, напротив, демонстрирует обедненный ассортимент находок в насыпях.

Поскольку любой погребальный комплекс делит пространство на «тот» и «этот» мир, а погребально-поминальная обрядность, в целом, предполагает действия «до», «во время» и «после» погребения умершего (см., например: [Смирнов, 1997. С. 23–30]), то находки, обнаруженные в погребениях, связываются нами с тафологическими действиями, а находки из насыпей – с мнемологическими действиями. Это дает основания предполагать, что система мнемологических представлений и обрядовых действий на местах погребений для части верхнеобцев, отразившаяся в количестве и ассортименте

находок, прокалах, в V–VII вв. н. э. была достаточно развитой и, вероятно, продолжительной. Однако это не было распространено повсеместно, поскольку следы мнемологических действий у отдельных групп населения (данные по могильнику Шумиха-4) не дают оснований для подобных предположений.

Как известно, погребальный ритуал основан на двух взаимоисключающих стратегиях поведения живых сородичей – стремления избавиться от умершего и стремления сохранить его близко от себя [Токарев, 1990. С. 164]. Эти стратегии проявляют себя не только в многообразии форм погребений, но и в дислокации некрополей относительно мест проживания. В археологии лесостепной зоны Западной Сибири известны чрезвычайно яркие примеры оформления «территории смерти», отражающие стратегию отторжения умершего, резкого противопоставления «мира живых» и «мира мертвых». Например, совершенно очевидно, что такие меганекрополи как Сопка-2 или Тартас-1 в Барабинской лесостепи, расположенные у слияния рек Омь и Тартас, недалеко друг от друга (в пределах прямой видимости), насчитывающие по несколько сот близких по своей культурной принадлежности погребений развитой бронзы, предполагают их длительное функционирование и преднамеренную концентрацию погребений в одном месте, порой очень удаленном от мест проживания носителей этих культурных традиций. Ландшафтная исключительность урочища Сопка, на площади которого расположен крупнейший могильник Обь-Иртышского междуречья, безусловно, осознавалась и в древности [Молодин, 2001. С. 6–7]. Учитывая картографию поселений культур эпохи развитой бронзы ближайших к названным могильникам территорий Барабинской лесостепи (см., например: [Молодин, Новиков 1998]), можно предполагать огромную территорию «ритуального обслуживания» подобными меганекрополями, удаленную от них на многие десятки километров. Очевидно, что это предполагает и резко выраженную сакрализацию таких мест для значительного количества населения, отчуждение подобных территорий от мира живых, выделение их в совершенно особую сакральную зону.

Относительно носителей верхнеобской культуры можно полагать, что для них «мир

смерти» был значительно ближе в прямом и переносном смыслах. Об этом говорит сам факт дислокации верхнеобских могильников в непосредственной близости от мест проживания, в результате чего образовались «кусты» таких археологических памятников. Сам по себе факт «кустового» расположения разнотипных верхнеобских памятников давно зафиксирован и связывался, прежде всего, с экологическими факторами [Троицкая, 1992; Могильников, 1994; Молодин и др., 1994; 1996. С. 12–26; Троицкая, Бороодовский, 1994; 1997]. Однако при этом не ставился вопрос о его интерпретации в контексте погребально-поминального ритуала. Мы не располагаем доказательствами непосредственной связи мест проживания и погребения верхнеобцев, но обращает на себя внимание факт, что все исследованные могильники расположены в месте концентрированного проживания носителей верхнеобской культуры. Подобная ситуация прослеживается в левобережных микрорайонах, где разнотипные верхнеобские памятники также расположены «кустами», и повторяется в правобережном ОАМ. Можно предполагать, что «территория жизни» и «территория смерти», находящиеся в одном небольшом ландшафтном микрорайоне, не были удалены друг от друга на значительные расстояния не только в географическом смысле, но и в сознании населения верхнеобской культуры.

Список литературы

Абрамович Д. И., Крылов Г. В., Николаев В. А., Терновский Д. В. Западно-Сибирская низменность. Очерк природы. М.: Госизд-во геогр. лит., 1963. 262 с.

Зайцева О. В. Вторичные погребения: проблемы изучения и интерпретации // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 96–98.

Зайцева О. В. «Между жизнью и смертью»: к проблеме интерпретации вторичного погребального обряда // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2004. С. 163–174.

Зайцева О. В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интер-

претации: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.

Ларичев В. Е., Новиков А. В. Единорог и дракон в контекстах астральной мифологии и времени (реконструкция календарных систем и мифа борьбы и терзаний эпохи раннего средневековья юга Сибири) // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения акад. А. П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. Владивосток, 11–25 сентября 2003 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 332–337.

Могильников В. А. Археологические микрорайоны Западной Сибири и их некоторые особенности // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: ОмГУ, 1994. С. 68–71.

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.

Молодин В. И., Бородовский А. П., Троицкая Т. Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области: Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск: Наука, 1996. Вып. 2. 192 с.

Молодин В. И., Мельникова Л. Н., Новиков А. В. Крохалевский археологический микрорайон // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: ОмГУ, 1994. С. 76–78.

Молодин В. И., Новиков А. В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области / НПЦ по сохранению историко-культурного наследия администрации Новосибирской области. Новосибирск, 1998. 140 с.

Молодин В. И., Новиков А. В., Росляков С. Г., Новикова О. И., Колонцов С. В. Археологические памятники г. Новосибирска. Новосибирск: Наука, 1993. 33 с.

Новиков А. В. Исследования в Ояшинском археологическом микрорайоне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2001 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 7. С. 426–427.

Новиков А. В., Майничева А. Ю., Кравцов В. М., Грес М. В. Прошлое Болотнинской земли. Новосибирск: Изд-во «АртИнфоДата», 2003. 135 с.

Новиков А. В., Нешатаев А. М. Новый археологический микрорайон в северной части лесостепного Приобья // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 64–65.

Новиков А. В., Шишкин А. С. Новая находка бронзового художественного литья в Ояшинском археологическом микрорайоне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2002 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. 8. С. 414–422.

Павлинская Л. Р. Реки Сибири // Реки и народы Сибири. СПб.: Наука, 2007. С. 18–55.

Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.

Смирнов Ю. А. Лабиринт: морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 279 с.

Сумин В. А. Крохалевский археологический микрорайон как источник комплексного изучения жизни древнего населения Верхнего Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2006. 24 с.

Сумин В. А. Опыт комплексного исследования Кудряшевского археологического микрорайона // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: ОмГУ, 2004. С. 78–80.

Сумин В. А. Реконструкция окружающей среды, ее особенности и влияние на формирование археологических микрорайонов на территории Кудряшевского бора в древности // Экология древних и современных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. Вып. 2. С. 173–175.

Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.

Троицкая Т. Н. Местные пояса населения верхнеобской культуры // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. С. 154–162.

Троицкая Т. Н. Новый тип «поминальных» памятников в Западной Сибири // СА. 1990. № 2. С. 256–258.

Троицкая Т. Н. «Кусты» поселений в Новосибирском Приобье // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 1992. Ч. 2. С. 57–60.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Структура микрорайонирования археологических памятников на р. Уень в Новосибирском Приобье // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: ОмГУ, 1994. С. 92–96.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Система и структура микрорайонирования памятников на реке Уени (Новосибирское Приобье) // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: ОмГУ, 1997. С. 115–131.

Троицкая Т. Н., Елагин В. С. Старобибеево-6 – могильник VII в. н. э. // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: АОЗТ Кузбассвуиздат, 1995. С. 225–242.

Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980. 184 с.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Археология Западно-Сибирской равнины. Новосибирск: НГПУ, 2004. 136 с.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 150 с.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Средневековый могильник у с. Чингис // Средневековые древности Западной Сибири. Омск: ОмГУ, 1995. С. 138–153.

Троицкая Т. Н., Савин А. Н. Изготовление гарнитуры наборного пояса из могильника Старобибеево-6 // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 143–157.

Троицкая Т. Н., Савин А. Н. Полые изображения животных (по материалам верхнеобской культуры Новосибирского Приобья) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 67–76.

Троицкая Т. Н., Шишкин А. С. Изображения бобров из Старобибеево-6 // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Известия ОмГУ. Омск, 2000. С. 205–207.

Материал поступил в редколлегию 26.02.2010

A. V. Novikov

**NEW MATERIALS ON A WAY OF A BURIAL PLACE
OF THE POPULATION SOUTHERN TAIGA ZONE
OF THE RIGHT COAST RIVER OB
IN V–VII CENTURIES OF NEW ERA**

The groups of burial places Starobibeevo-6, 7, 9, Shumikha-4 are located in a zone of a southern taiga in pool Ob, in territory of Novosibirsk area, and enter into structure Oyash archaeological microarea. On these groups of burial places 82 objects (62 burial places) are investigated. The received materials increase the case of sources on custom of a burial place of the population of a zone of a southern taiga of pool of the river Обь V–VII of centuries of new era, approximately, in 2 times. Thus the group of burial places Shumikha-4 is unique in pool of the river Ob, investigated practically completely by continuous area. In clause the condition of burial places fixed in investigated archaeological complexes is analyzed.

Keywords: Western Siberia, zone of a southern taiga of pool of the river Ob, early middle ages, groups of burial places, customs of burial places, inhumation, cremation.